

ИСАЖОН СУЛТОН

Исажон Султон (Султонов) - прозаик, родился 6 апреля 1967 года в селе Авазбой Риштанского района Ферганской области (Узбекистан). В 1990 году закончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета.

Первая повесть - «Мольба» вышла в 1990 году (изд. «Чулпон», Ташкент), а в 1995 году вышел второй сборник - «Лунный родник» (изд. им. Г.Гуляма, Ташкент).

В 1997 году был принят в Союз писателей Узбекистана.

С 1995 по 2010 года на страницах разных литературно-художественных изданий были опубликованы ряд рассказов: «Todd», «Видение дивного сада или Ирамские рассказы», «Заколдованная стража», «Откуп», «Рыба», «Чаша на воде», «Святой», «Страх Арифа» и др.

В 2010 году художественно-литературный журнал Союза писателей Узбекистана «Звезда Востока» опубликовал роман писателя - «Вечный скиталец».

Рассказ «Лунный родник» вошел в «Антологию узбекского рассказа XX-века» (Издательство Узбекской Национальной энциклопедии, Ташкент, 2009).

РЫБА

(Из серии "Ферганские рассказы")

*"Если бросишь в отца щепку, годы спустя
Твой сын может бросить в тебя камень..."*

Младший сын

Айван...

Ее опоры, потемнев от времени, обрели коричневатый оттенок, а местами почернели, растрескались по всей длине. В одних трещинах копошатся мелкие муравьи. В трещине побольше устроили гнездовье желтые осы. Их рой небольшой, всего восемь или девять ос. Ранним утром, когда воздух насыщен влагой, они держатся вместе, просушив на солнце крылья, разлетаются. Оса с влажными крыльями издает низкие глухие звуки. Когда крылья сухие, оса летит звонко жужжа.

Ранней весной их укусы безвредны. Все лето они набирают силу. А вот осенью они жалят болью. Осы и муравьи не враждуют. Ибо все заняты своими заботами.

Двор словно выбелен из-за проступившей соли. Местами растет лебеда. Кое-где можно увидеть и стебли пальчатки, но они слабые, желтые, сухие. Ломающая камень, растущая где придется, эта сорная трава почему-то не любит солончаки, сколько бы ее ни поливали, не растет, лежит, скукоженная, под палящим солнцем. Если же ветер, подхватив подсохшие легкие стебли, переносит на новое место, почувствовавшие влагу стебли пускают корни и, за три-четыре дня хорошо укоренившись, начинают разрастаться.

На террасе плетеная корзина. В ней хранится хлеб. Очень вкусный, а подсохший хлеб еще вкуснее. Только мать не дает поесть досыта. Когда просим хлеб, дает нам ломти. Иногда готовит хлебный плов. Обжаривает старый хлеб, добавляет туда морковь, мне такой плов не нравится, я выбираю только кусочки лепешки.

Вообще, мать старается попридержать хлеб. После еды она собирает все до единой крошки, старается скормить старшему брату, иногда мне. "Съешь, богатырем будешь", - говорит она. Но у меня никогда не было особого желания добирать крошки.

Во второй корзине курт. Хотя шарiki и облеплены глиной, но жирные и вкусные.

За домом приусадебный участок. Он у нас вспаханный, ухоженный. Нам не разрешают там играть. Борозды ровные-преровные, скошенные книзу, при поливе они не оседают и вода их не размывает, все борозды равномерно заполняются водой. Конец участка окружен плодовыми деревьями. Здесь растут яблони с большими красными яблоками, груши разных сортов, орехи. Почему-то под абрикосовыми и ореховыми деревьями трава не растет.

За садом выстроились высокие опрятные тополя. Когда они вырастают большими-пребольшими, их спиливают, от сладковатого запаха древесного сока кружится голова, то же самое бывает, когда со стволов сдирают кору. Ветками топят тандыры. Ствол идет на изготовление каркаса или на потолочную балку. Поэтому тополей много, больше пятидесяти. Их листья шелестят даже от легкого ветерка.

Дальше - приусадебный участок соседа. За ним еще чей-то. Потом поле, в конце поля дренажная канава. Весной вода в канаве цвета глины, летом прозрачная, осенью становится сине-зеленой, успокаивается.

Речь пойдет о канаве. Вернее, о диковине, которую я увидел в канаве.

Там водится золотая рыба.

Об этом известно лишь Богу и мне.

Как же она оказалась в канаве? На днях по небу перекатывался гром, сверкали молнии, казалось, что от грохота расколосось небо, обрушилось потоками воды на землю. Люди говорят, снега и ледники на вершинах гор, которые видны даже отсюда, пришли в движение, они смывали кишлаки, которые встречались на их пути и селевыми потоками обрушились на долину, все дренажные канавы до краев заполнились водой, может, тогда она и приплыла?

Ближе к полудню, когда припекает солнце, она поднимается на поверхность воды. Изогнувшись, глядит на солнце, потом изо всей силы бьёт хвостом по воде, раздаётся резкий звук.

Камыш тоже издает резкие звуки. Ведь его ствол полый, когда он колышется на ветру, слышится потрескивание.

До чего же мне нравится окраска рыбы. Она радужная, переливающаяся. Когда рыба в воде, ее красотой не налюбуеться, когда появляется на поверхности, она уже не переливается. Самые нежные цвета и оттенки от головы до хвоста незаметно переходят один в другой. Густой красный цвет плавно переходит в бледно-розовый и сменяется золотисто-желтым. Плавники красноватые, с желтой в черную крапинку оторочкой, они напоминают мокрые крылья бабочки, оставшейся под дождем.

Я точно знаю, что она прислушивается к моим словам. Когда я говорю, молча смотрит. Терпеливо выслушивает меня до конца. Когда она всплывает, смолкает пение птиц, насекомые прекращают стрекотать. На стеблях камыша замирают стрекозы. А шум ветра, наоборот, усиливается, кажется, что он что-то шепчет.

Рыбе нравится ветер. Должно быть, ей приятно, что мелкая рябь на воде разбивается о ее тело, цвета металла. Лучи солнца, отражаясь на воде, играют на ее блестящей чешуе. Алмазами сверкают капли. Беловато-желтоватые жабры размеренно

дышат. Кажется, что она вся, вплоть до ободка вокруг глаз, сверкает и светится.

Ровно в полдень мать со старшим братом идут закрывать воду, потому что в жару нельзя поливать огород. Посевы поливают рано утром или вечером. Перехожу на приусадебный участок соседа, чтобы не попасть им на глаза. Сосед, чтобы оградить свои владения, по всей длине участка высадил кукурузу, она стоит стеной и шумит. Ее стебли больно стегают локти.

Я иду на берег канавы, сажусь на бугор и, глядя на воду, жду. Рыба чувствует, что я пришел, но не спешит показываться. Ну, а я пока тянусь к лягушачей траве. У нее светло-зеленые цветы, неказистые, грубоватые, внутри чашечки маленькие точки, лишь дотронешься, цветок сразу сворачивается. Пугливая, настороженная трава как будто закрывает глаза.

Иногда некрасивая хищная личинка стрекозы поднимается со дна на поверхность воды - заползает на стебель камыша или травы. Она очень прожорливая, пожирает все, что встретится на пути, иногда и своих сородичей. Она может надолго застыть на стебле, ожидая, когда ее плечевая часть разломится, из этого разлома на белый свет выходит совершенно другое создание - большеголовая, глазастая стрекоза с блестящими прозрачными крыльями. Перелетев на кочку, просушив на солнцепеке крылья, улетает с легким стрекотом... Мельтешащим в воде головастикам тоже предстоит видоизменение - превращение в лягушат. Жизнь еще одной твари, обитающей в полый части хвоста головастика, подвергается изменениям, дня два она лежит неподвижно и превращается в личинку майского жука, некоторое время спустя он выпускает крылья, жужжа, пускается в полет... Чуть подальше, в корнях старой срубленной ивы, покрытых водой, живет змея. В полуденную пору она выныривает из воды. Но не может переносить прямых солнечных лучей, она укрывается в тени пня, обвив корень телом, может часами лежать в оцепенении, иногда сбрасывает кожу...

В тот миг, когда моя рыба всплывает, все живое замолкает. Даже бабочки замирают.

Несколько мне известно, во всей округе не водится рыба такого цвета и окраса. Не могу припомнить, чтобы кто-то еще видел ее или говорил о ней...

Средний сын

О том, что та рыба была послана Богом, никто, кроме меня, не знал.

Когда младший брат сказал о ее существовании, я несколько раз тайком ходил на берег канавы. И каждый раз видел ее.

Она была таинственной рыбой. Когда она всплывала вверх, насекомые и птицы теряли голос.

... В детстве я много раз допытывался у матери: что происходит с человеком после смерти. "Вот когда похоронишь меня, будешь приходить на могилу, тогда узнаешь", - говорила она. "Вы после смерти не сможете выйти оттуда?" - спрашивал я. "Если Бог пожелает, выйду", - отвечала она. "А если Бог не пожелает? - "Как же я тогда выйду, мой мальчик?" Как-то мать проговорила, что после смерти душа человека может вселиться в тела других существ, чаще всего в бабочек или более мелких насекомых, а иногда в животных. Бабочка прилетает и сидит тихо-тихо, а душа умершего, вселившаяся в нее, наблюдает за всеми, осматривает все вокруг.

Мать рассказывала об этом года два назад. Сейчас она болеет, почти перестала видеть. Мы водим ее за руку.

Оглушительный сель, бушевавший на прошлой неделе, смыл кладбище вместе с могилой отца, я подумал, может, душа отца вселилась в рыбу и приплыла сюда.

Потому что на следующий день мне приснился какой-то старик. Он стоял возле канавы. И будто бы говорил: вы подросли, но ваша мать измучилась. Отец приплывет к тебе рыбой, скажи брату, пусть он приготовит рыбу и накормит мать, она

поправится, сказал он. Ах, каким необыкновенным человеком был отец! Он был степенный, важный, молчаливый, под отцом земля дрожала, когда он появлялся во дворе, его величие приводило всех нас в дрожь... и рыба была под стать ему...

Я много думал о своем сне, наконец, решил, что ведь отец может вселиться в другое существо и вернуться к нам... а эту рыбу, наверное, и вправду нужно приготовить для матери, глядишь, она выздоровеет, и я решился открыть брату тайну рыбы.

Брат взял отцовское ружье и торопливо куда-то ушел. Не прошло и получаса, как он выловил ее. Я ее не видел, рыба была в мешке. Я убежал на приусадебный участок, так и сидел там безвылазно. "Отец... дорогой... ты умер, а наша мать болеет... что же теперь и ей умирать... мы ведь не тебя едим, ты ведь можешь вселиться в другую рыбу, плакал я.

Брат взял большой нож и, подойдя к очагу, стал счищать чешую.

В это время... появился младший брат... Казалось бы, что он, несмышленьш, понимает... Но он очень обиделся, что я открыл тайну, подошел ко мне поближе и стал избивать меня и таскать за волосы...

Младший сын

Когда я пришел, увидел, что мама, как птица, присела на террасе, перед ней стояла полная чашка мяса. Услышала мой голос, и ее морщинистое лицо разгладилось в улыбке, она заговорила необыкновенно ласково:

- Иди к нам, сыночек, иди сюда! Нам, беднякам, улыбнулось счастье, твой брат принес рыбу, иди, ты тоже попробуй! - звала она.

Рядом с террасой, на земле, из глиняных катышей был наскоро сделан очаг, над ним висел котел... дрова догорали, огонь был подернут пеплом... горел трепещ.

"Рыба?!"

Возле очага лежала содранная рыба чешуя, голова и хвост. В это время появилась соседская кошка, она одним прыжком добралась до головы и утянула ее в сторону. Не отрывая от меня зеленых глаз, стала торопливо грызть ее.

- Это священная рыба, - донеслись до слуха слова матери. - Она восходит к той мифической рыбе, которая проглотила преподобного пророка Иону.

Старший брат говорил, что очень давно не ел рыбу, удивлялся, что она тает во рту, какое же это наслаждение, восклицал он и, чтобы продлить удовольствие, старался подольше жевать.

- Аллах создал рыбу чистой, лишенной скверны, - продолжала рассуждать мать. - Она чиста в любом виде: и живая, и мертвая. Поэтому он прорезал ей жабры.

Рыба?!

Она ведь принадлежала только Богу, и только мне?!

Средний брат сидел под тутовым деревом, опустив голову.

- Ты почему проговорился им? - закричал я охрипшим голосом и бросился на него. - Они ведь едят рыбу!

Странно, средний брат не ответил на мои удары, он только обхватил голову руками и продолжал сидеть на земле. Я думал, что он плачет от страха, или может от обиды, что ему не удалось отведать такой удивительной рыбы, я опять набросился на него:

- Ты хоть знал, что это за рыба была? Она была золотой рыбой! Если бы еще немного подросла, стала бы той самой волшебной рыбой!!!

Средний брат, не чувствуя моих тумачков, безутешно плакал. Только тогда я расслышал, что он повторял:

- Отец... дорогой отец...

Огонь погас, потрескивание дров стихало, потом и вовсе прекратилось.

Старший сын

Среднему брату приснился старик, и сказал, если мать поест рыбу, выздоровеет, глаза будут видеть. Если в пятницу выйдете на берег канавы, отец приплывет в виде рыбы, вы ее поймаете, приготовьте для матери, сказал он.

Когда я, прихватив отцовскую двустволку, пришел на берег, рыба и вправду была на поверхности воды. Закатав брюки, спустился в воду, дно канавы было глинистым, затонувшие сучья кололи ноги. Зарядив ружье дробью, прицелился, опустил курок, рыба затрепыхалась и опрокинулась верх брюхом.

Когда я вернулся, ко мне подбежал средний брат. По его бледному лицу было видно, что он сильно испугался.

- Ты что, сдурел? - прикрикнул на него для остратки. - Это ведь всего навсего еда. Иди, уложи дрова в очаг!

Сам содрал с рыбы чешую, вспорол ей брюхо, выпустил кишки, очистил нутро, нарезал белое мясо с желтым жиром на куски. Сам развел огонь в очаге, когда котел зашипел, вложил в него куски рыбы жиром вниз.

Отлично, сказал сам себе удовлетворенно, все сложилось как нельзя лучше!

"... Вот, наконец ты жарись в котле, отец. Я хотел, чтобы ты так жарился в аду. В знак того, что мои мольбы услышаны, Бог прислал тебя к нам, прислал для того, чтобы ты горел в огне.

Ты помнишь, как я хватал тебя за руки, когда ты избивал мать? Вот тебе! Жарься, жарься!

Помнишь, как напившись, ты переворачивал все вверх дном? Бросив в меня кетмень, рассек плечо, рубец так и остался, не на плече, в сердце, он все еще кровоточит!

За всю жизнь ни разу не решился подойти к тебе, а мне так хотелось опереться на твое плечо, но твой грозный вид и окрики пугали меня, до двенадцати лет я боялся, что ты поднимешь и забросишь меня на крышу дома, однажды ты так подбросил младшего брата, ревуший ребенок онемел от страха, когда упал

на кукурузном поле, не издал ни звука... Когда ты вынес из дома ружье и закричал на мать: "Я сейчас тебя застрелю!", бедная мама ответила: "Если хочешь, застрели, ты уже давно все во мне убил!", бросилась на землю и зарыдала...

Ты садился на коня и как уезжал, так пропадал. Я не видел тебя неделями. Через несколько дней ты возвращался, к седлу были привязаны подстреленные тобой две-три сизоворонки, лысухи. Ты говорил зло: возьмите, съешьте, как противоядие вашему яду... Следом появлялись твои собутыльники, мама поспешно готовила угощение из твоих трофеев и заносила к вам, нам доставались лишь косточки да крылья...

Вот теперь жарься в огне!

Мало того, что я в детстве не видел отцовской любви и заботы. Когда вырос, день и ночь стал пропадать на нашем участке. Сколько помню себя, тружусь, ты так нагнал страха, что я не смел выйти на улицу.

Вот, до сих пор с ног до головы в пыли, в грязи.

Жарься, жарься!.."

Отец

Будто бы заросли камыша. Стебли сухие, светло-желтые, высокие высокие..

Зарослям не видно конца-краю, камыш шумит. А небо синее-пресинее.

Вот уже тысячу лет я скашиваю камыш в этих зарослях.

Камышу не видно конца. Я ступаю по лужам, водяные скорпионы жалят ноги, иногда слышу всплески, пытаюсь узнать, что это, но мне не удастся.

На тысячу лет растянутые бесконечные заросли камыша... мягко разлетающиеся метелки камыша...

Когда я до конца скошу камыш, то что-то произойдет. Лишь бы успеть скосить.

Каждый день надо мной кружит птица и клюет в голову.

"Ты кто, почему так мучаешь меня?" - спрашиваю я.

"Проклятый отцом, проклятый отцом!" - выводит на все лады певчая птица.

Лицо отца очень смутно запомнилось мне.

В каком-то кишлаке мы жили в нищете, не было хлеба, чтобы утолить голод, не было воды - утолить жажду. Я помню, что кричал на него... как тряс отца за плечи...

... Однажды заросли камыша закончатся. В тот день и птица не притетит. Тогда я избавлюсь от этих мучений.

Камыш... камыш...

... Я так и не успел узнать, что в конце зарослей.

Изменения произошли самым неожиданным образом. Небо расколосось... Нет, вначале поднялся ветер, пух от метелок разметало во все стороны, камыш трещал и ломался, взлетал в небо вместе с корнями. Объяв собой все: небо и землю, все стороны света, все сверху до низу, прозвучал громогласный приказ : "Будь рыбой!", и вдруг я увидел себя плывущем в грохочущем потоке лавины.

Казалось, что поток не остановится никогда, и так и будет носить меня с собой.

Но наконец я очутился в канаве.

Не знаю, сколько времени я там пробыл. Казалось, что снаружи было тихо, невероятно тихо, вдобавок ко всему, очень опасно, может, все воспринималось так тревожно и мрачно из-за того, что я смотрел на мир через толщу воды?

Однажды я вновь поднялся на поверхность воды, вновь все живое вокруг замерло-замолкло. Затем я увидел, нацеленное дуло ружья в руках у парня, глазами и обликом так похожего на меня...

Мать

С того самого дня, как я стала терять зрение, мне стал сниться их покойный отец.

"Ты не видишь, это я пришел. Ешь рыбу, ешь рыбу!" – кричал он.

Я увидела его так ясно, словно наяву.

Он был безжалостным человеком. Никем, ничем в жизни не дорожил. Была в нем некая грозная сила, если кто-то встречался ему на пути, он сокрушал, уничтожал.

Он пытался заняться земледелием, однако посеянные семена не всходили, саженцы высыхали на корню.

А все потому, что он поднял руку на отца. Это было в те времена, когда по распоряжению сверху старикам запрещали совершать намаз. Его отец продолжал тайком ходить в мечеть. Изрядно выпив, по случаю какого-то праздника, сын накинулся на отца: "Из-за вас прикажете в тюрьму садиться?!" Он тряхнул отца за плечи и толкнул, старик упал и камыш из циновки вонзился ему в глаз. "Чтоб ты высох, как камыш!" - проклял его отец.

Поскольку от земледелия не было проку, он раздобыл где-то ружье и целыми днями пропадал в тугаях, рыская в зарослях до ночи, иногда привозил лысуху, иногда сизоворонку.

Насколько он был жесток, настолько и широк, но все, что он затевал, было бесполезно, прости его Боже! Но что-то ему ведомо, иначе, откуда ему знать, что я ослепла, откуда эта забота: "поешь рыбу, выздоровеешь", сказал он?

Приготовленная сыном рыба такая вкусная. Вроде и зрение проясняется. Может, не сегодня-завтра прозрею?.. Я его простила, пусть его душа упокоится в раю.

Лишь бы и он меня простил...

Младший сын

Это была золотая рыба. У нее на голове была корона.

Если бы средний брат не открыл тайну, а старший брат не поджарил ее для матери... то она бы росла-росла и однажды стала бы настоящей золотой рыбой. Тогда бы мы пошли все вместе,

поймали бы ее. "Просите все, что хотите", сказала бы она и выполнила все наши желания.

Что же мне теперь делать? У меня было столько желаний, кому теперь поведать их?

Только Богу?.. Одному лишь Богу?

ЛЮДИ ПУТИ

Нашей дороге не видно ни конца, ни края. Иногда на пути каравана встает горный хребет, иногда мы входим в оазисы, где воды из прозрачных, словно слезы, родников текут в цветущие сады. Но чаще нашему взору открывается лишь бескрайняя пустыня.

Наши животные устали годами ходить под седлом; мы сами похудели и постарели за время странствия. И все же, раскинув шатры, мы ночуем, встаем до рассвета и опять отправляемся в путь.

Наш попутчик - бродяга ветер, а путь указывают звезды.

Как всегда, во главе каравана едет предводитель. Когда-то он был богатырем, а сейчас согнулся, вконец обессилел, но не отрывает взгляд от горизонта. За ним следует Муслим - покачивается в седле, охваченный своими думами. На родине осталась его возлюбленная, по красоте подобная пятнадцатидневной луне! По этой причине он и задумчив. За Муслимом едет Мухаммад.

Наш самый младший спутник - Абдулла дремлет в седле. Он был еще ребенком, когда мы вышли в путь. За время странствия детское выражение лица сменилось решительностью и вдумчивостью. Лицо обрело удлинилось, на лбу появились первые морщины...

Много лет назад мы вышли в путь. Попутчиков было много. На втором году странствия мы приблизились к цветущему

оазису. Люди, узнав, куда мы держим путь, отвели нас к своему падишаху. Тот, сойдя с трона, радушно принял нас и говорил: "В ту сторону задолго до вас прошло много людей. Однако, мы не слышали, добрались ли они, возвратились назад или нет. Лучше примите подданство и оставайтесь с нами. Я назначу вас на важные посты, будете жить и благоденствовать!"

Долго уговаривал нас падишах, и некоторые покинули наш караван и остались в оазисе.

На пятом году путешествия мы оказались на краю большой пустыни. Местные жители сказали, что она называется Хазрамавт, что значит, "пришла смерть". Песок там был черный-пречерный. Он сам по себе приходил в движение и поднимался к небу черным смерчем. Двое или трое наших спутников, напуганные бурями, решили повернуть назад. Мы же не свернули с пути. И смотрите, если не брать в расчет голода, жажды и усталости, никакая беда нам не угрожала в этой необъятной пустыне! Живые и здоровые мы двигались вперед.

Словно в награду, пред нами предстала долина, окруженная горами. Озера были прозрачны, словно стекло, люди необыкновенно красивы. Мы узнали, что страна эта называлась Кухи Каф, и жили здесь не люди, а пери!

Женщины были настолько прекрасны, что больше никогда не доводилось нам видеть таких красавиц. Услышав, куда мы держим путь, и они старались отговорить нас. «Оставайтесь, - говорили они, - Гуликахках и Гулианбар предоставит вам самых прелестных рабынь! До конца дней живите в блаженстве!» - молили они. И некоторые из нас остались в долине красавиц. Мы же стремились вперед, и только вперед.

Потом подобные оазисы и долины перестали встречаться. Куда ни глянь - сухая, растрескавшаяся земля, лишь кое-где

поросшая верблюжьей колючкой да лебедой. Мы едем, продираясь сквозь кустарник.

Наши лица застыли, как маска. Души стали камнем. Уже давно окружающие пейзажи перестали волновать наши сердца.

Раньше мы тосковали о нашем далеком крае - Теперь это чувство почти забылось. Муслим, вспоминая возлюбленную, теперь не поддается печали. Взгляд его стал тверд, на подбородке появилась волевая черта. Мы неустанно в пути, и , когда спешиваемся для привала , нам кажется, что земля качается под ногами. Мы наскоро едим что-нибудь, а потом растягиваемся на земле и в то же мгновение засыпаем, застыв как камни.

Только юный Абдулла сохранил свежесть чувств. Иногда он засматривался на закат солнца, Видимо, переливы красок неба пробуждали в его памяти дорогие воспоминания. Но прежде, при виде заката его черные глаза наполнялись слезами. А теперь он не давал волю чувствам. Только глубоко задумывался.

Вперед, и только вперед!

Чувства преходящи, богатство невечно, красавицы неверны! Там, куда мы стремимся, нас ожидают чудеса, которым нет равных! Там...

...Там есть сокровища. На них вычеканено имя каждого из нас. Надо взяться за кольцо на воротах, назвать свое имя, и... бац! - сокровенная тайна открывается. С того момента любое желание хозяина сокровища исполняется! Тут же! И мы уже на подступах к этому месту. Сердце подсказывает - оно где-то рядом!

* * *

Наконец, пустыня осталась позади. Воздух увлажнился, чувствовалось дыхание океана. И вот в точке, где сошлись суша и океан, мы увидели Волшебную Гору. Она была высокая, величественная, невероятно красивая. Она была хрустальная! Ночью при свете звезд, она тускло мерцала. Ее глубины переливались всеми цветами радуги. И звездные лучи, отражаясь, играли на ее склонах.

Это и есть Волшебная Гора! Волшебная Долина! К ним мы стремились, можно сказать, всю жизнь! На воротах у этой горы висели кольца, на которых было отчеканено имя каждого из нас. Слабо светясь, они манили к себе.

С трудом передвигая затекшие ноги, мы шли к горе. Юный Абдулла, осыпая ногами камни, побежал первым. Добежав до восточных ворот, что-то прокричал. Мы не разобрали его слов - мы были не в том состоянии, чтобы что-то понять

У подножия горы оказалось много ворот. Они потемнели от времени; древние письмены и печать пророка Соломона почти стерлись. Кольца тоже были старые, но все еще крепкие и прочно закреплены. Имен было великое множество, но я не увидел на кольцах имен тех моих друзей, которые отстали от нас в пути! В мозгу подобно молнии сверкнула мысль: не потому ли, что их имена не записаны здесь, они отстали в дороге?

Мы разбрелись в разные стороны. Я отыскал свое именное кольцо и молча застыл перед ним. В небе сверкали далекие звезды. Тело обессилело, в душе погасли все желания. Мужества поубавилось... Но Волшебная гора священна, высока, величава, на ее поверхности отражается весь мир!

Сердце гулко бьется. Сейчас возьмусь за кольцо и назову имя. Прогремит гром, сверкнет молния, древние волшебные цепи

обрушатся, ворота распахнутся и появится дорожка. В самом начале дорожки есть ниша, покрытая пылью веков. В нише - светильник. Только возьмешь его в руки - бац! - изрекаешь желание и оно тут же сбывается!

Письмена на воротах удостоверяли:

«Данное сокровище было скреплено тайной имени одного из рабов Божьих. Клянусь всеми качествами Создателя, хозяин этой тайны, то есть я - джинн по имени Палбос. Я могу доставить моего повелителя во мгновение ока в любое место, куда он только пожелает. Все богатства мира брошу к его ногам. Возведу на трон любого царства. Посвящу в тайну языка птиц и всего сущего на свете. Красавиц со всего света предоставлю в распоряжение моего повелителя.

Я бессилен лишь противостоять воле Всевышнего и предначертанному Им смертному часу»...

Где-то в глубинах горы сверкнул луч. В переливах света я увидел свое отражение на поверхности кольца: на меня молча смотрел сгорбленный, упавший духом человек, с тусклым взглядом и лицом, на котором годы отпечатались морщинами.

..Тихо веял бродяга-ветер, равнодушно мигали звезды.

Сокровенный смысл надписи на воротах стал постепенно проникать в мое сознание... И я готов был кричать с досады!

Как?! Почему?!

Так только в этом и заключается чудодейственная сила легендарного волшебного сокровища?!

О-о-о! В моем сердце, ставшем за все эти годы тверже камня, разразилась страшная буря!

Разве же чудеса, которые хочет даровать нам волшебное сокровище, мы не оставили по дороге?!

Разве в то время, когда мы отправлялись в это странствие, у нас было недостаточно мужества и отваги, чтобы добиться исполнения любого нашего желания?!

Разве мы не отвергли лучших из лучших красавиц, ради того, чтобы побыстрее добраться сюда?!

Разве мне не был с детства знаком язык всего сущего на земле? Разве не беседовал я часами с золотыми стрекозами, сидевшими на стеблях мяты?! А теперь это хотят преподнести мне как особый дар?!

Нет, я не прослезился. Но изо всех сил сжав кольцо, в отчаянии прокричал:

"Еще! Что еще ты можешь даровать, печатью пророка Соломона, плененное создание? Ради тебя я отрекся от всего в жизни - а властен ли ты хотя бы вернуть меня в детство, где бирюзовое небо, нежное солнце, серебряная вода и сапфировые птицы ?! Сможешь ли ты заново возродить, мои чувства, утраченные на дорогах, устремленных к тебе?! Что же такого необыкновенного, достойного звания "древняя тайна", ты мог бы мне даровать, о узник-повелитель страны безмолвия?!"

...Молчаливая, безмолвная, безголосая хрустальная гора таянулась ввысь, в безлунное небо...

Я почувствовал полную опустошенность.

Мы ожидали от этой тайны великого, необыкновенного вознаграждения - большего, чем все, утраченное нами. А теперь все то, что нам хотят даровать, нам не нужно! Это - лишнее! В пору нашей молодости эти дары могли приманить к себе, очаровать нас, но теперь все иначе!

Теперь...

Я отдернул руку от кольца. Лучи последний раз просияли на нем. Мое отражение без надежды взиравшее на меня, кануло в черноватую плоскость.

Оглянувшись назад, я невольно сделал шаг. Уже не имело значения, куда я пойду. Выработав за годы странствия принцип двигаться вперед, несмотря ни на что и в любой ситуации, я двинулся в сторону коней. Пройдя немного, я услышал, как невдалеке от меня, осыпаются камешки под чьими-то ногами. Мои соратники, ушедшие туда, где были отчеканены их имена, с опущенными головами, возвращались назад.

Они тоже преодолели искушение, не продали душу ради иллюзорных сокровищ джинна Палбоса.

Неужто те, не дошедшие до конца пути, стали счастливее нас?

...Кто сможет ответить на этот вопрос? Волшебная гора все еще хранит молчание. В ожидании новых гостей, безмолвно тянется к небу...

Куда теперь? Дорога, пройденная нами, невероятно длинна. Даже если повернем назад, еще до того, как мы доберемся до родного края, некий воин, севший на крылатого коня - Смерть - непременно настигнет нас.

А вперед тоже бессмысленно. Видно, на роду нам написано, обрести здесь приют. Другого пристанища нет.

Под безлунным небом этой странной долины мы безмолвно смотрели друг на друга. Но Предводитель повернул коня назад.

* * *

Теперь окончательно и безнадежно, только ради того, чтобы не остановиться, мы продолжаем путь. Где мы свалимся со своих коней, погрузимся в последний сон и обретем вечный покой - неизвестно.

Только Абдулла, единственный среди нас, еще крепок духом, тверд взглядом, полон сил и прямо сидит в седле!

Наша единственная надежда связана с тобой, Абдулла! Мы, друг другу вослед, будем оставаться на этих дорогах. Только ты сможешь добраться до родины! И ты должен добраться! Что бы с нами не произошло, ты - не мешкай, погоняй коня!

Если на этих дорогах мы сорвемся с коней - не трать время на нас! Слишком много тех, кто как мы направляется в сторону таинственного сокровища. Только ты - очевидец - принесешь им чудовищную правду о нем!

Сильнее стегай коня, брат! Мы согласны, если сию секунду опередив нас, ты скроешься на горизонте. А мы же со слезами на глазах, томясь и падая с коней, будем смотреть тебе вслед. Когда ты скроешься из виду, мы преклоним головы на земле чужого края и будем представлять себе, что ты добрался до нашей родины - туда, где бирюзовые небеса, серебряные реки, золотая земля и счастливые люди. Мы будем представлять себе, что ты

раскрыл путникам правду, и с этими мыслями заглядимся на эти дороги, и погрузимся в блаженство, которое не сможет дать никакое волшебство - в вечный сон, в вечность...

МАЛЕНЬКИЙ РОЗОВЫЙ ЗВЕРЕК

Была осень. С утра зарядил редкий дождик. Сбегая с ветвей на разбухшую землю, покрытую опавшей листвой, дождинки выбивали дробь, напоминавшую капель по весне. Небольшие темные тучи объединялись, те, что были пониже – плыли по небу быстрее, а те, что повыше, почему-то нагромождались друг на друга, временами в разрывах туч показывался клочок неба пепельного цвета. Может, это тоже была серая туча, но, вырываясь из наслоений, она выглядела иначе?

На сегодня было запланировано посещение зоопарка. Потому, что несколько дней назад туда был привезен чрезвычайно интересный зверь, именуемый «катоблепас».

Первые сведения о нем восходят к греческому философу Плинию, жившему две тысячи лет назад. Позднее он, как мифическое существо, появился в произведении Гюстава Флобера «Искушение святого Антония». И вот новость, какая-то разновидность катоблепаса чудом уцелела в джунглях Эфиопии. Звери были привезены в города, удалось получить потомство. И вот теперь, выращенных в вольерах зверей, возили по свету, и люди приходили посмотреть на них, как на чудо.

По описаниям Плиния, катоблепас весьма неуклюжий зверь. У него голова перевешивала туловище. Поэтому он всегда лежал, опустив могучую голову на передние лапы. Вся его магическая сила, вселявшая ужас в человеческие сердца, была сосредоточена в глазах. Считалось, что, если он поднимет свои царственные веки, глянет испепеляющим взглядом на живое существо, то оно, не успев издать и звука, тут же умрет от разрыва сердца...

...Войдя через большую стеклянную дверь в большой светлый зал и, увидев через большие стеклянные окна, катоблепаса, я понял, что это существо совершенно иного рода.

Это был удивительно симпатичный зверек. Голова была великовата для его небольшого туловища, но он умудрялся удерживать ее на тонкой шее. Его необыкновенно чистые глаза, напоминали доверчивые глаза младенцев. Пальцы тоже были миниатюрные, светло-розового окраса. Часто моргая длинными ресницами, он так доверчиво смотрел на все, что его окружало, что, глядя на него, человек проникался к нему симпатией, настолько это было невинное существо... В поведении розового зверя не было даже намека на весь тот ужас и страх, о котором говорили Плиний и Флобер. Утвердившись в своей мысли, я удивленно воскликнул:

- Но ведь это вовсе не катоблепас!..

Служащий зоопарка невозмутимо пояснил:

- Катоблепасы являются большим семейством довольно крупных пресмыкающихся. В процессе эволюции они претерпели значительные видоизменения. Перед вами, представитель одной из разновидностей катоблепасов, безобидный зверь, совершенно лишенный агрессивности, наделенный удивительными способностями.

- Вполне возможно, – согласился я с ним. – Вы говорили о каких-то удивительных способностях, в чем они проявляются?

- Запаситесь терпением. Я вас уверяю, такого зрелища человек удостоивается не каждый день, – вконец заинтриговал меня служащий, поглядывая на часы. – Некоторые из этих зверей умирают, не в силах пережить метаморфозы... Следует также отметить, что у этого зверька слишком утонченная нервная система, очень чувствительный. Скоро вы сами в этом убедитесь.

- Он не боится, не чуждается людей?

- Желательно говорить шепотом, – сказал служащий. – Здесь установлена особая система, благодаря которой, вы его видите, а он вас нет. Зверек очень восприимчив к голосам и звукам. Он моментально чувствует любую дисгармонию, малейшее проявление злобы, в том числе ложь и фальшь. Словом, очень чуткий, милосердный, добрый зверь. Из-за своей физической слабости, он выбрал совершенно иную форму протеста против зла...

Было такое впечатление, что розовый зверь жил на лоне природы. Мне показалось странным, что там тоже падали капли дождя. Я вначале удивился, думая, что это было сделано специально, но, приглядевшись, понял, что зрелище устраивалось под открытым небом, поэтому серые тучи были видны и здесь. Капли дождя падали на деревья, траву, красноватые камни. Было прохладно, но влажность дождя приятно бодрила душу.

Перед большим, во всю стену, стеклом рядами стояли мягкие кресла, я занял одно из них. Постепенно стали собираться зрители. Среди них были дамы в дорогих нарядах, представительные господа, их разодетые дети.

Зверек разгуливал под деревьями, то, поднимаясь на ветки, то, спускаясь на землю, когда он приближался к оконной раме, я с интересом разглядывал его.

У него была мягкая розоватая шкура, но на груди она была почти белая. По спине шли красновато-желтоватые разводы. Глядя на его голову, я подумал, что остается только удивляться, каким образом тонкая шея удерживает столь массивную для нее голову.

На вопрос: чем питается катоблепас, мне ответили, что пищей ему служит утренняя роса и какая-то редкая трава, растущая в

лесу. Поэтому ничего съестного возле него не было. Там, где заканчивался площадка, выложенная красноватым камнем, росли привычные нашему взору цветы и травы.

Розовый зверь подставил ладонь под дождь. Похоже, дождевые капли доставили ему необыкновенную радость, его душа откликнулась удивительными звуками, он стал что-то напевать очень приятным голосом.

Это был удивительный напев. Мне в жизни не доводилось слышать такой мелодии. Низким голосом, он самозабвенно выводил восхитительные рулады, мелодия звучала гимном в честь, льющегося дождя, радости жизни, ее безмятежности. Под прозрачными потоками дождя, словно море, волновались безбрежные леса, изумрудные поля и луга без конца и без края. Стебли растений изгибались, словно в танце. С облачного серого неба тучи бережно проливали на землю приятный живительный дождь. Мелодия всегда рождала в сознании человека мысли и образы. Только теперь, впервые в жизни, я слушал мелодию, пробуждающую в душе кристально чистые, возвышенные мысли. Эту мелодию переполняла любовь и благодарность окружающему миру, каплям дождя, листьям, дрожащим под каплями дождя, мокрой земле... Я почему-то подумал, может, он и сам не ведал, что напеваемая им мелодия, пробуждала в душе такие переживания? Но, взглянув, в его ясные выразительные глаза, тут же отверг свое торопливое суждение – если бы ему не было дано столь сильное естественное ощущение природы, жизнелюбие, то разве смог бы он напеть такую удивительную мелодию?

- Этот зверь склонен грустить переживать, – как бы подтверждая мои мысли, сказал служащий. – От избытка переживаний, весной и в начале лета он напевает такие мелодии, аж сердце замирает... Жаль, что вам не довелось услышать его весенние напевы... Осенью он погружается в печаль. Не стоит удивляться, если он, глядя на пожелтевшие листья, изойдетя в

плаче. Но, что интересно, хотя он и любит переживания, но сам справиться с ними не может. Когда у него нет сил переносить боль, он начинает есть самого себя!

- Не может быть, как он ест самого себя? – недоверчиво спросил я у служащего.

- Очень просто, как это свойственно всем четвероногим, он зубами рвет себя на части, – пояснил служащий. – Разве я не говорил вам, что это удивительное явление? Немного погодя, вы сами увидите, какова степень сострадания этого существа, если сегодня он будет «в ударе», то вы станете свидетелем неповторимого зрелища.

Я полюбил розового зверя, разгуливающего под желтыми осенними деревьями.

- Когда, наконец, начнется представление? – пожилая дама, увешанная драгоценностями, выразила недовольство. – Мы заплатили приличную сумму не для того, чтобы скучать у этого окна.

- Прошу вас, еще немного терпения, и ваше ожидание будет вознаграждено незабываемым зрелищем, – служащий стал уговаривать зрителей. – Единственная просьба, не разговаривайте. Если зверек узнает о вашем присутствии, он не станет сам себя поедать, а будет взывать к вам о помощи. Пусть рассчитывает только на себя.

Однако, ждать пришлось долго. Вымытая дождем чистая площадка, выложенная красным камнем, тускло поблескивала.

И вот, наконец, укрытая зарослями травы, открылась маленькая дверца, чья-то рука осторожно опустила на влажную

площадку маленького крольчонка, его лапы были связаны. Он был крохой, в панике оглядев все вокруг влажными черными глазками, он пару раз дернулся, желая освободиться от пут, однако, тонкая на вид цепочка, держала его крепко. Тем временем со стороны, сложенных горой, камней в конце площадки, появилась толстая змея длиной чуть не в три аршина.

Говорят, что змеи плохо видят. Зато очень хорошо чувствуют теплокровных животных. Вот и тут, лишь появившись на площадке, змея безошибочно определила местонахождение крольчонка. Но спешить не стала, на миг замерла на месте. Несколько раз высунула жало, видимо, в предвкушении пиршества.

Розовый зверек тут же почувствовал появление змеи. Его настроение и даже походка тут же изменились. Он испуганно отпрыгнул подальше от нее, по его движениям чувствовалось, что он охвачен страхом, после нескольких неуклюжих попыток, кое-как взобрался на ветку дерева.

Он дрожал от страха.

- Похоже, он боится змеи, – прошептал я служащему.

- Он боится всего, что таит в себе жестокость. У него феноменальная способность каким-то врожденным естественным чутьем угадывать присутствие хищников. В зависимости от степени переживания, он по-разному плачет. Дело даже не в том, что он сам себя кусает и ест, разве человек переживающий горе, не поедает себя изнутри? А вот то, что он может плакать на разные лады, это считается исключительным явлением. Ибо, у него ни один плач не повторяет другой. Среди этих плачей некоторые были просто запредельные...

- Змея на него не нападает?

- Нет, к счастью, что-то в нем не по нутру змее...

- Судя по вашему рассказу, действительно, необыкновенный зверек. Но, вот, когда он сам себя ест... он не умирает?

- Нет, вскоре его лапы вновь вырастают, – успокоил служащий. И вдруг он воскликнул: – Смотрите, смотрите! – чувствовалось, что он тоже волнуется.

Крольчонок стал дрожать, почувствовав поблизости своего душегуба. Крольчонок был такой милый, невинный, что вызывал у всех сострадание. Детеныши всегда новы, милы, прелестны, мы ведь восхищаемся даже свежей зеленью раскрывшегося листочка, вот и крольчонок был таким же приятным. В страхе он потирал лапки. Было видно, он не знал, что ему делать.

Общество богачей тоже умолкло, затаив дыхание, оно жаждало зрелища.

Какое-то мгновение змея примерялась, затем поползла в сторону своей жертвы.

Только вот слово «поползла» здесь неуместно. Ее движения были плавными, быстрыми, красивыми. Несколько секунд и она уже возле крольчонка. Однако, она не набросилась на добычу, немного повременив, свернулась клубком, и спокойно подняла голову.

Охваченный ужасом катоблепас, наблюдал за происходящим с ветки дерева.

Его крохотное тельце дрожало. Он в панике заметался из стороны в сторону. Время от времени, замирая, он со страхом

поглядывал на змею, которая готовилась проглотить свою добычу.

Затем зверек вдруг заплакал. Слезы потоком текли из его глаз. Он отирал глаза, из-под крохотных лап поглядывал на змею, горько-горько всхлипывал.

- О Боже, – воскликнул я в удивлении.

- Подождите, самое интересное впереди, – прошептал служащий.

Змея вдруг вскинулась. Зверек, озиравшийся в растерянности по сторонам, почему-то замер. Но паника и страх исчезли из его заплаканных глаз, казалось, у него появилась надежда. Змея почему-то не спешила. Может, она была сыта? Крольчонок с удивительной покорностью замер против своей убийцы. И тут розовый зверек зарыдал во весь голос. Его плач тоже был мелодией. Такой печальной, такой пронзительной мелодией, что мое сердце изболелось. Оглянувшись по сторонам, я заметил, что у людей из высшего света тоже увлажнились глаза. Этот маленький зверек растревожил всем сердца.

Змея неторопливо обвилась кольцами вокруг крольчонка, и грозно, гипнотизируя, смотрела на свою жертву.

И вот тогда розовый зверек прыгнул с дерева вниз, приблизился к змее. Выгнув длинную тонкую шею, вдруг... плача навзрыд, стал кусать и жевать свои передние лапы.

Все замерли от неожиданности!

Он сделал это, чтобы привлечь к себе внимание змеи?

Змея, почувствовав какие-то посторонние шорохи и звуки, расслабила тиски своих колец, крольчонок, высвободившись, переваливаясь с боку на бок, убежал прочь.

Розовый зверек, увидел это, его глаза заблестели. Он в нервном волнении сжевал пальцы передних лап.

Самое удивительное, крови не было. А если даже и выступила, я не увидел? Зверек стоял ко мне боком, поэтому я не видел всех его движений. Однако, это было настолько ужасное зрелище, мою душу переполняла боль и, не вполне осознанный, протест.

- Прекратите это, несчастные! – закричал я.

Зрители, которые изболелись душой от печального плача розового зверька, со слезами на глазах, но словно окаменев, наблюдали за происходящим. Чей-то ребенок заплакал от страха. «О, Боже!» восклицали люди в панике и страхе.

Нет, у меня не было сил досмотреть все до конца. Выкрикнув: «Будьте вы все прокляты!» я выбежал из зала.

* * *

...Шумно лился дождь, ветер раскачивал деревья. Только что налетел новый порыв. Удивительно, только одно деревогнулось, остальные даже не шелохнулись.

На тротуар, покрытый красным камнем с шумом падали дождевики, везде появились белесые, серые лужицы. Желая быстрее покинуть это зловещее место, разбрызгивая воду в лужах, я побежал прочь из зоопарка.

НОЧНОЙ УРАГАН

*«Сирота, эй, сирота
Где же сестренка твоя?..»*

Р. Рахмат

В ветреную ночь по Дангаринской степи[1] шли к бабушке брат и сестра.

Наступили сумерки, темнота еще не успела полностью укрыть степь.

Порывы встречного ветра раскачивали многочисленные дикие кусты пепельного цвета, распространяющие необычный аромат, поднявшаяся пыль окутала мглой все вокруг. Ветки белесоватой джиды, растущей по обочинам дороги, низко клонились, готовые вот-вот сломаться. Камыш шумел сломанными стеблями, в пыльном воздухе беспорядочно металась и вращалась его метёлки.

Брат шел быстро чуть впереди, опираясь на крепкую палку. Сначала он держал сестренку за руку, однако, когда вихрь стал остервенело бросать в лицо и глаза опавшие сухие листья и солому, ему пришлось отпустить ее ручонку. Сейчас девочка бежала за братом, ветер развеивал ее цветастое платье и платок. Из шаровар выглядывали тонкие ножки, непослушные волосы, заплетенные в две косички, выбивались из-под узорчатого платка, она бежала, боясь отстать от брата. Ее брат, шагающий навстречу завывающему ветру, наклонившись вперед, в рубашке, вздымающейся словно парус, казался ей бесстрашным, сильным и смелым богатырем.

А ветер, беснуясь, то мёл по земле, то, завывая, поднимался ввысь.

В этих местах ветер начинался внезапно. Вызревая в горах, он с ревом вырывался из долин, устрашая округу.

Он, словно стирал известковую пыль со стен кишлачных домов, поднимал песок на крышах, пыль на улицах, ломал стебли кукурузы, со свистом расплескивал воду в грязных канавах, завывал в вышине, опускаясь, опрокидывал ведра, разметал аккуратно сложенное сено, засыпал песком норы степных сусликов, сносил прочь гнезда беспомощных птиц, чьи малюсенькие птенцы, чирикавая и щебеча, падали на землю, становясь добычей диких животных.

- Помедленнее, братец!

- Шагай быстрее, говорю.

- Братец, родненький, помедленнее, я не поспеваю!

Немалая часть пути пройдена, а вон там кишлак Дашт, в котором живет бабушка. Сегодня они отправились в путь, чтобы переночевать у нее.

У них нет матери, несколько лет назад она заболела и умерла. Мать была высокой, статной и привлекательной женщиной, доброй, заботливой, дети ее очень любили. Она пекла румяные, хрустящие лепешки... Из уважения к памяти жены, отец долго не женился вновь. Каждый день, уходя на рассвете из дома, к вечеру он возвращался, пьяно пошатываясь, обнимал детей, что-то бормоча, обливался горячими слезами, а потом, наконец, засыпал. Это продолжалось несколько месяцев. Тогда их бабушка, чтобы помочь беспризорным детям, стала все чаще забирать их к себе. Наконец, недовольно ворча, отец, по чьему-то настоянию, женился на вдове из Чамача, болезненной, худой и очень ворчливой женщине.

Брат и сестра изначально не приняли ее, считали чужой, поэтому, сделав необходимую работу по хозяйству, они частенько уходили ночевать к бабушке. Дом бабушки был простой, маленький, казался наполненным покоем, тишиной, прохладным и приятным воздухом. В маленькой нише стоит чайник с заваренным в нем айвовым чаем. На сандале курт, сухофрукты, с брусочков в потолке свисают связки айвы, яблок, гранат, груш, гроздья винограда. Всего девяносто девять брусочков. Пахнет джидой.

Сегодня ребята успели закончить домашние дела задолго до того, как поднялся ветер. Отец в поле, мальчик приглядывал за скотиной, нарубил дров, а девчушка, согрев воды в большом казане, постирала белье пеплом из тандыра[2] и развесила его рядами, убрала в доме, вытряхнула старые половики. Маленький сводный брат почему – то заливается плачем. Мачеха не отходит от младенца, завернув в марлю курдючное сало, она пытается дать ему пососать, но ребенок выплевывает и снова плачет и плачет.

Именно в это время и начался ураган. Постоянно усиливаясь, он промчался по засеянным полям, крепчая, сотрясал деревья, размел тандырный пепел, вздыбил воду в грязных канавах. Брат и сестра с утра договорились пойти к бабушке, потому что их тяготила эта чересчур «заботливая» женщина, ее ворчание и проклятия в адрес орущего младенца. Вечер наступил неожиданно быстро. Со стороны горных утесов поползли темные тучи, затянувшие небо. В миг поднялась пыльная буря, бьющая в окна.

Именно в это время дети, взявшись за руки, вышли из дома и отправились в путь.

* * *

...Было пасмурно, быстро темнело. С одной стороны тропинки роща, с другой – густые заросли камыша.

Ветер начал крепчать, с силой гоняя тучи в небе, которые собирались в огромные глыбы, иногда между ними образовывались просветы, проглядывал краешек тусклой луны. Может быть, очень скоро начнется ливень? Когда между тучами проблескивает месяц, освещая все вокруг, проделки ветра становятся отчетливей. Шум листвы деревьев, склоненных в три погибели, заполнил мир.

- Мне страшно, брат!
- Не бойся, чего ты боишься?
- Братец, а тебе не страшно - а?
- Нет, я ничего не боюсь!

В этот момент, зацепившись ногой о какой-то корень, девочка упала. «Ой, гибель моя!» - с ужасом воскликнула она и тут же взглянула на брата. Брат шел, не оглядываясь. Она видит лишь его худые плечи и развевающиеся на ветру волосы. Торопливо поднявшись и отряхнув обеими руками платье, девочка снова бежит за братом. Её брат бесстрашнее и сильнее всех. Вон, как он шагает навстречу ветру с палкой в руках!

Эту девчущку зовут Нозик[3]. Щеки в цыпках, руки и пальчики в мозолях, ладони покрыты волдырями, но это очень милостивая девчущка со смеющимися глазами. Имя «Нозик» дала ей бабушка. Мама звала ее Назокат[4]. Тетки называли Латофат[5]. Подруги звали Нози[6], тетки по отцу называли Гузал[7]... Милостивостью девчущка пошла в мать.

А еще она играет в камешки с похожими на нее девчонками с косичками, может иногда смастерить из тряпок куклу и баюкает ее. «Ой, родненький мой ребенок, ты проголодался?» – заботливо приговаривает она, а брат, подразнивая, посмеивается над ней. А еще, вместе с подругами, связывая две палочки, шила из

лоскутков одежду, наряжала таких кукол и играли в «гости-гости». А когда готовили сумаляк, смущаясь под ободряющие возгласы взрослых женщин: «ну, давай, скорей, не стесняйся», она погружала огромную шумовку в казан, подсчитывая сколько камешков покажется, и если в сумаляке появлялось пять-шесть камешков[8], смущенно убегала...

Сейчас же она в полной растерянности, то простирая крохотные ручки, то придерживая платъице, которое рвет ветер, едва поспекает за братом.

Брат хоть и одергивает ее, сам трясется от страха, не показывая сестренке вида. В безграничной степи в ветреную ночь происходят страшные истории, которые передаются людьми из уст в уста, вот и сейчас кажется, что ветер рождается из самых недр земли. Под низенькими безымянными кустами таятся злые джины, подстерегая заблудившихся людей. С шелестящего листвою черного дерева может спуститься черный человек с саблей. В руинах заброшенной старой мечети поджидает огромный див. Да, кто-то сейчас, вероятно, в пути, и никакие вопли не слышны в шуме разыгравшей стихии, в этот поздний час среди деревьев, в темноте и свирепом грохоте природы легко сбиться с пути. Многие заблудившиеся никогда не возвращаются в кишлак, исчезают бесследно, а если кто-то иногда и возвращается, то с перекошенным лицом и помутившимся рассудком.

Никто из них не знает и не может рассказать, чего испугался.

* * *

...Месяц исчез. Мрачные волны туч полностью закрыли лицо неба.

- Брат!

- Пошли быстрее, а то брат, да брат!
- Брат!..
- Ну чего тебе?
- Братец!..

Сильный ветер сбивал с ног. Казалось, что тени деревьев вдруг ожили. Один куст неожиданно сдвинулся с места и выкатился на дорогу. Что-то круглое, огромное прокатилось сбоку и скрылось в камышах. Брату вспомнились страшные рассказы бабушки, может это отрезанная голова ведьмы с криком: «Погоди, я тебе покажу еще!» падает в какую-то яму. Ветви деревьев жадно тянулись к одинокой дороге. Лицо брата заледенело, как назло вдаль не видно ни огонька. Во время урагана огни в кишлаке тушат. Даже свечи не зажигают, чтобы пожар не случился. Вой ветра заглушает бляение овец и баранов, визг собак.

- Брат, братец!..

Паренек старался справиться со своими беспричинными страхами, покачиваясь под порывами ветра и чувствуя, что ноги его подкашиваются. Ему хотелось мчаться опроретью. Но, куда? До бабушкиного кишлака еще далеко, вокруг шелестящие, потрескивающие, стонущие деревья, кустарники. В зарослях камыша таятся страшные чудовища. Он все крепче сжимал свою палку. Еще чуть-чуть и появится бабушкин кишлак. Этот завывающий над степью ветер страшен. Завтра на рассвете все изменится, стенающая земля успокоится, стихия утихомирится. Но, почему сейчас так страшно? Может, потому, что темно? Да, темнота все меняет, делает более страшным. Не надо было выходить из дому. Зачем отправились? Не лучше ли было спать спокойно около мачехи, под крики младенца и ворчание отца?! Лучше бы спали под завывание ветра на террасе, завернувшись в одеяло. Хорошо слушать потрескивание тополей в ветреную

ночь... Сейчас тоже слышится треск, может быть ломаются ветки деревьев? Упругие кустарники крепки, степные кусты, прижимаясь к земле, приспособились к ветру.

Хотя бы месяц не исчезал за тучами. Однако с появлением луны страх усиливается. В лунном свете кажется, что всё в степи приходит в движение. Сердце снова замирает. Надо быстро, быстрее добраться до бабушки. Может, правду рассказывают взрослые о заблудившихся? Парнишка ускорил шаг, потом побежал. Что-то сильно зашуршало в камышах. Может, там страшные звери поджидают удобного момента, чтоб кинуться за ним? Быстрее бы добраться до бабушки...

* * *

...Наконец, показались темные деревья кишлака. Снова разыгрался ветер, послышался треск ломающихся веток. Слева за буграми придорожных канав слышался приглушенный свист. Звуки в кишлаке совсем другие, а в степи дикие, пугающие. Здесь тоже что-то трещит, скрипит терзаемая ветром дверь, открываясь и закрываясь, слышится вой собак.

И вот парнишка бежит по пыльной улице. Света нет, чуть дальше в маленьких оконцах некоторых домов мелькает огонек свечи. Может быть, там сейчас сидят и неторопливо беседуют люди? Сердце парнишки громко стучит, все существо его охватила неизъяснимая дикая радость. Он громко захохотал задыхаясь... Наконец, он добрался до старенького дома бабушки. Закрытая с внутренней стороны на щеколду дверь, постукивала на ветру. Он с силой ударил ее плечом, она открылась.

- Бабушка-а! Бабушка-а! – позвал он

- Ой, наконец! Ой, слава Богу, - послышался чуть погодя голос бабушки в завывании ветра. Не веря своим ушам, она, торопливо

надев калоши, вышла. – Деточки мои, благополучно добрались, не испугались?

- Да, нет, что вы говорите, что ветра бояться что ли? – с достоинством ответил парнишка. Дикая радость и благодушие, охватившее его, рождали подростковую гордость. Страх прошел, пережитый ужас теперь казался смешным.

- Ах, бабушкина радость, богатырь мой! – воскликнула бабушка.

Вдруг, остановившись на полпути, растерянно спросила:

- Эй, чтоб тебе, где твоя сестренка?

Счастливое выражение лица парнишки исчезло, будто сдуло его ветром. Он оторопело оглянулся.

Сестренки не было!

- Да чтоб тебе, еще юноша, где Нозик?

Ни у вывороченных ветром деревьев, ни чуть дальше на пыльной дороге, слабо освещаемой луной, девчушки не было.

Только что со словами «брат, брат» она бежала за ним! Только что растрепанные косички выбивались из-под маленького узорчатого платка! Только что выглядывали из шаровар тоненькие ножки. Только что слышалось: «Ой, погибель моя!». Только что бежала она, придерживая на ветру платице, восхищаясь и гордясь смелостью брата! Где девчушка? Где осталась она?

Весь этот мир, улицы, сады во власти страшной стихии, и только ветер, свирепый ветер, рожденный в далеких безлюдных вершинах гор, кружит и сметает все вокруг.

* * *

Ветер Дангары... Этот ветер как невидимое, свирепое, бесконечно огромное живое существо, рожденное могучими утесами ревел и громыхал, рушил все на своем пути, наводя смятение и ужас, вознесся над кишлаками Кирк, Минг, Араван, Жилва, Чомоч, Сой, Найман, Беговат![9]

Казалось, деревья стонали и вопили, взывая о помощи. Свирепая мощь стихии демонстрировала зыбкость человеческого существования. Ураган бушевал, ревел, рычал бунтуя, вскрикивал, тихо и жалобно стонал, изнывая и слабея.

Стихия была многозвучна и многозначна.

И вдруг над кишлаком пронеслось: «Сирота...»

Беспорядочно сваленные кукурузные стебли шумели: «Эй, сирота!»

Насмешливо хохоча и небрежно ероша волосы бедного брата, ветер шумел:

«Сирота, эй, герой,
Почему сестренка твоя не с тобой?..»

* * *

Старушка многое повидала на своем веку. Но сейчас, растерявшись в панике, дергала парнишку за волосы и плача, ударила кулаками по голове, с ужасом вопила:

- Да, чтоб тебя, чтоб ты сгинул, иди, ищи сестренку! Иди и не возвращайся обратно, пока не найдешь, или сгинь!

Да... А ветер продолжал сотрясать бескрайние просторы, сеять гибель и разрушение, наводя смятение и ужас.

Страдая от угрызания совести и трепеща от одной мысли о новой встрече с пережитыми страхами, парнишка повернул назад.

Поодаль кончались дома кишлака, опять безлюдная степь, странные сероватые тучи, то прозрачные, то плотные, беспорядочные груды сваленного камыша, тамариск и голая степь, а глупый безжалостный ветер Дангары крепчает и крепчает.

Этот мальчуган, единственная утеха матери, должен снова лицом к лицу столкнуться с пережитыми страхами.

Да что лицом к лицу со страхами, он должен найти потерявшуюся, беспомощную крохотную сестричку. Он должен найти беззащитную малышку, оставшуюся один на один со страшными зверями, притаившимися в камышах и ждущими удобного момента для расправы, с опасными людьми, непонятно зачем блуждающими в этом пустынном месте, со странными маленькими людишками, сидящими у костра, с огромными темными деревьями, откуда всякую минуту может спуститься черный человек с саблей!

Ужасный безжалостный ветер теперь злобно бросал в его лицо, в глаза песок, бесцеремонно больно трепал волосы. Сильный ветер с шумом захлопнул и вновь настежь открыл деревянную калитку бабушкиного двора.

Постоянно оглядываясь, паренек снова отправился в путь.

Кто знает... что ждет его? Сможет ли он, поборов свои страхи, обыскав все вокруг, найти свою сестренку? Где искать ее в этом хаосе и жестокой сумятице? Где она, беспомощная и кроткая маленькая одиннадцатилетняя девчущка? В этом кошмарном урагане, который беснуясь, кружит и переворачивает все живое и неживое в небе и на земле, где, под каким деревом или кустарником, в какой канаве нашла приют дрожащая беспомощная малышка?

Даже если он найдет ее... то что с ней?
И... найдет ли?

Перевод с узбекского Саодат Камиловой

[1] Маленькая степь, расположенная на Ферганской долине.

[2] Тандыр – небольшая глиняная печь для выпечки лепешек.

[3] Нежная, хрупкая (узб).

[4] Любезная (узб).

[5] Утонченная, изысканная (узб).

[6] Изнеженная (узб).

[7] Прекрасная (узб).

[8] Национальная примета: сколько камешков покажется, столько и рождает детей.

[9] Названия староузбекских племен.